

АНАТОЛИЙ БЕЛЯЕВ

ГЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ

рассказы

РЫБАКИ И НУДИСТЫ

Каждый год несколько групп студентов из университетов социалистических стран приезжали на геологическую практику в Питкярантский рудный район. В те годы я работал над кандидатской диссертацией по гранитному магматизму Северного Приладожья и хорошо знал геологию района, поэтому такие практики очень часто приходилось вести мне.

Однажды в июле месяце вместе приехали две группы – поляки из университета города Вроцлав и болгары из софийского университета имени Климента Охридски. В болгарской группе руководителем был мой давний друг – преподаватель Сребри Петров и с ним девять студентов. Группа была очень дружная и объединяла ее любовь к солнечным процедурам. Это были фанаты нудистских пляжей.

«Нудистский пляж это место, где можно показать все и всем», – с гордостью говорили болгарки.

В польской группе руководителей было двое – очень серьезный профессор и молодой парень его ассистент. Профессор оказался заядлым рыбаком и даже возглавлял клуб рыболовов города Вроцлава. Экипирован он был по высшему разряду – углепластиковые спиннинги

с позолоченными безинерционными катушками, прозрачные коробки с разноцветными блеснами, мушками и воблерами и, наконец, рыболовный жилет защитного цвета со множеством карманов и карманчиков. В те времена местные рыбаки о такой экипировке, даже не слышали.

Профессору, как настоящему рыбаку, очень хотелось похвастаться кому-нибудь своим снаряжением, но к его величайшему огорчению и раздражению никто не проявлял к нему интереса. По всей видимости, профессор ожидал фантастической рыбалки, на которой он, окруженный толпой аборигенов, будет успешно ловить в Ладоге крупную рыбу, и рассказывать потрясенным карелам и финнам о назначении каждой приманки, а они, раскрыв рты, будут слушать его, как папуасы Миклуху-Маклая.

Неожиданно профессор нашел благодарного слушателя в лице водителя арендованного автобуса – скромного молчаливого вепса. Он доставал из пластмассовой коробки очередную блесну и долго объяснял водителю ее достоинства. То ли по причине угро-финского менталитета, то ли из-за индивидуальных особенностей характера, но водитель все время оставался бесстрастно непроницаемым.

Наконец, профессор, как великий путешественник и первопроходец, решил спуститься с европейского рыболовного Олимпа и поинтересоваться снастями местных аборигенов.

Водитель немного смутился и после долгих уговоров извлек из кармана гигантскую уродливой формы блесну, изготовленную из бесхитростно расплющенного носика древнего медного чайника. Блесна длиной в

треть метра потрясла профессора своими размерами и впечатляющим самопальным кованным тройником.

Кстати, такая блесна была в коллекции моего старшего брата, и он успешно ловил на нее огромных тайменей в сибирских реках.

Вместо спиннинга шофер использовал пустую консервную банку с круглой деревянной поперечиной внутри, за которую, как за ручку, снасть удерживалась левой рукой. Леска наматывалась на банку, как в безинерционной катушке, и фиксировалась указательным пальцем левой руки. Тяжелая блесна на конце лески раскручивалась на манер пращи и, одновременно с освобожденной леской, забрасывалась в нужное место. Затем, правой рукой леска наматывалась на банку. В случае поклевки снасть бросали на землю или в лодку и добычу вытаскивали за леску руками. Если попадалась крупная рыбина, то леску перекидывали через плечо, как в рассказе Хемингуэя «Старик и море».

Такая снасть была очень удобная для экспедиций и в моем маршрутном рюкзаке в специальном мешочке тоже лежала банка с блеснами внутри. В прошлогодней экспедиции в одном из озер Кольского Полуострова я даже поймал на эту снасть три приличные кумжи.

После долгих уговоров водитель подарил профессору свою банку. Я представил себе, как в клубе рыболовов города Вроцлава, профессор со смехом будет показывать своим коллегам эту примитивную снасть.

Чтобы профессор не очень то задавался своими снастями, я показал ему книгу Петра Сигунова «Ожерелье Джехангира», в которой были две фотографии моего старшего брата Геннадия в момент поимки больших тайменей в сибирских реках. А на суперобложке красо-

вался сам автор книги с тайменем на плече, хвост которого лежал на земле.

Но времени на рыбалку у профессора совершенно не оставалось. Целый день экскурсионные маршруты, а вечером у нас заканчивалось время аренды автобуса. Группы разместили в городе в заводском общежитии, и попасть на место приличной рыбалки вечером, да еще пешком было невозможно. Профессор все время намекал мне, что если бы я был гостем Вроцлава, то мне устроили бы грандиозную рыбалку. Обеспечить профессора рыбалкой не входило в круг моих задач, но я, в свою очередь, делал прозрачные намеки шоферу, о том, что неплохо было бы устроить профессору рыбалку на Ладоге с лодки (у шофера был катер с подвесным мотором). Водитель отмалчивался или отвечал, что сейчас для рыбалки мертвый сезон.

Каждый день я проводил с иностранными студентами геологические маршруты. Особенно впечатляли ребята «бараньи лбы» – отполированные ледником каменные берега Ладожского озера, на которых обнажались метаморфические горные породы. Два миллиарда лет тому назад они находились на глубине десяти километров, были нагреты до температуры свыше пятисот градусов и, под давлением блоков земной коры, измяты в причудливые складки. А на поверхности в то время громоздились многокилометровые горы, которые постепенно разрушались. Через пятьсот миллионов лет в результате постепенного воздымания земной коры эти породы оказались на поверхности.

Но мои страстные лекции не очень-то трогали студентов. Поляки еще что-то записывали, а болгарки откровенно зевали. При этом студенты не уставали все

время подковыривать друг друга. Болгары просто достали поляков патриотическими заявлениями типа: «В Болгарии есть всё!» Из их интонации следовало, что в Польше, как, впрочем, и в других странах, всегда чего-то не хватает. Поляки были не меньшими патриотами своей страны, но заявления типа: «В Польше тоже есть все», выглядели неубедительно, и болгарки слушали их с многозначительными ухмылками.

Надо было как-то заинтересовать студентов геологией, а самое эффективное средство в таких случаях это хохма, которая запоминается на всю жизнь.

Еще на весенней студенческой практике я обнаружил на краю одного из обнажений четыре углубления, расположенные в ряд и напоминающие отпечаток пальцев человеческой ноги. Через полметра углубления повторились, словно человек сделал шаг. Трудно было удержаться, чтобы не использовать этот феномен для розыгрыша. При помощи зубила я аккуратно выдолбил в сланцах углубления напоминающие стопу.

– Посмотрите сюда, – я показал студентам на углубления, расположенные на одной линии, – вот почти круглая в плане ямка, и еще три поменьше. Вам это ничего не напоминает?

– Неужели камнеедка? – опешили болгарки, которым я еще в Болгарии рассказывал байки про этого таинственного и свирепого зверя северных широт.

– Эх, вы, палеонтологи. Видите здесь большое углубление от пятки? Это же след ноги древнейшего ископаемого человека архейского – местное название Питкьярантроп.

– Снежана, что в Архее уже люди водились? – тихо спросили болгарки свою подругу палеонтолога.

– Не знаю, – также тихо ответила Снежана, – я специализируюсь по брахиоподам.

– Неужели в Болгарии нет таких впечатков? – с нарочитым удивлением спросили поляки растерявшихся болгарок.

– У нас в Болгарии архантропы не распространены, – смутились болгарки.

– Если у Вас в стране чего-то нет, то Вы приезжайте к нам в Польшу, – радушно пригласили болгар польские студенты.

Когда я почувствовал, что студенты и преподаватели устали от геологии, то объявил выходной день.

Погода выдалась отличная. Вода в Ладоге в тот год была теплая как в Черном море и вдоль берегов имела зеленоватый цвет от бурно цветущих сине-зеленых водорослей и пыльцы сосен и елей. Болгарки во главе со Сребре захотели отдохнуть на нудистском пляже и спрашивали меня, где это можно сделать спокойно, чтобы не шокировать местных аборигенов. Я направил их на полуостров Ристиниеми в четырех километрах к югу от Питкьяранты. Там, недалеко от берега из воды выступал пологий каменный островок, на котором было удобно загорать. Любезное приглашение болгар позагорать голым вместе с ними я тактично отклонил, и вовсе не потому, что боялся обнаженных женских тел, просто во время пребывания в Болгарии нашей группы, нас застаскали по нудистским пляжам.

Польские студенты отправились отдыхать в ресторан, где можно было вволю напиться пивом, а профессор с ассистентом собрались на рыбалку. Я также посоветовал им уютную бухточку на берегу Ладоги на полуострове Ристиниеми.

Когда все разъехались по своим делам, я, наконец-то занялся ремонтом своего старого экспедиционного УАЗа.

А тем временем события разворачивались следующим образом.

У лодочных гаражей в проливе между берегом и островом, на котором расположен целлюлозно-бумажный комбинат, трое местных рыбаков, вернувшиеся с ночной рыбалки, собрались распить бутылку водки и закутить соленой рыбкой. К причалам на полном ходу подлетела «Казанка» с мощным подвесным мотором и заложила немыслимый вираж прямо, перед мостками.

– Лохи! – заорал приехавший мужик на своих приятелей. – Вы тут с утра водку жрете, а там, у Юляристи голые девки на камне лежат и, можно сказать, икру мечут!

– Русалки что ли? – не поверили мужики. – Иди лучше похмелись, а то твои видения напоминают «белую горячку».

В пролив ворвался «Прогресс» и на полной скорости устремился прямо на причал, словно японский камикадзе на катере, начиненном взрывчаткой, шел на таран американского авианосца. У самых гаражей катер лихо развернулся.

– Там, на камне голые девки лежат, девять штук! – крикнул рыбак.

Тут мужики, наконец, поняли, что это реальность. Слух о том, что на плоском каменном островке недалеко от берега полуострова Ристиниеми как тюлени лежат голые девки, прокатился по лодочным гаражам и привел в неопишваемое возбуждение рыбаков всех возрастов. Взревели мощные «Вихри» и «Нептуну» и моторные

катера с неукротимостью, идущих в смертельную атаку торпедоносцев, помчались к чудному острову. Рыбаки, как настоящие командиры боевых кораблей, прижимали к глазам окуляры десятикратных морских биноклей, вглядываясь в озерные дали. Перед островом по всем правилам морского боя моторные лодки выстроились в линию

В это время болгарские нудисты разомлели под солнечными лучами, и наслаждались нежным плеском ладожской волны. Руководитель болгарской группы доцент Сребре, будто в университете Рабиндраната Тагора, что-то тихо вещал своим обнаженным ученицам, и по тому, как они внимательно его слушали, лекция была о любви, возможно о любви к учителю.

Когда вытянутая в линию кавалькада моторных лодок подошла к острову, голые болгарки сначала испугались и как самки потревоженных тюленей заползали по камням. Но потом они решили, что на Ладоге проходят какие-то военные учения, тем более рыбак на первой лодке был в морской фуражке с якорями, во флотском плаще-накидке и с биноклем на груди. Он встал во весь рост и отдал болгаркам честь, на что они ответили приветственными визгами и беспорядочными переползаниями.

Катера разворачивались у дальнего мыса, уходили в открытую Ладогу и, сделав большой круг, возвращались к чудному острову. Болгарки не замечали этого маневра и наблюдали только вереницу катеров идущих мимо, поражаясь многочисленности маломерного советского флота.

– Это наша малая Ладожская армада торпедных катеров, закамуфлированных под моторные лодки, – с

гордостью рассказал я болгаркам после их возвращения, – а в Болгарии есть такие флотилии?

– В Болгарии все есть! – ни капельки не смутившись, соврали болгарки.

В середине дня с рыбалки вернулись поляки. Профессор был в ярости. Оказалось, что как только они закинули удочки в уютной бухточке, появился моторный катер и прямо перед ними заложил крутой разворот, от которого на волнах заплясали иностранные поплавки. Вскоре сцена повторилась, а дальше катера разворачивались перед ними с интервалом в несколько минут.

Естественно, что поляки расценили это как провокацию со стороны местного русского населения и кричали лодочникам: «рагули» и «пся крев» («жлобы-дебилы» и «собачья кровь»). А когда поляки осознали бесполезность такой рыбалки, смотали удочки и возвращались по берегу домой, то вдруг увидели на островке голых болгарок и вереницу лодок идущую мимо них. Тут профессора чуть не хватил удар.

– Вся рыба тоже, наверное, поплыла к острову смотреть представление, – сделал заключение ассистент, после рассказа о неудачной рыбалке.

Так профессору и не удалось поймать ни одной рыбки в великом Ладожском озере. Еще две попытки выйти в озеро на рыбалку на лодке окончились неудачей – разыгралась непогода.

В конце практики, когда поляки и болгары сели в автобус, чтобы ехать на вокзал, профессор вдруг в раздражении заявил:

– В этом Ладожском озере рыбы нет вообще, даже не о чем будет рассказать в нашем городском клубе рыбаков.

Водителя автобуса явно задело такое оскорбительное заявление, но он, как и положено сдержанным карельским парням тактично промолчал. На пути к вокзалу автобус остановился около одного из домов.

– Анатолий Михайлович, можно я отлучусь ровно на одну минуту? Домой заскочу.

Водитель вернулся с бумажным пакетом в руках.

– Я хотел бы передать сувенир от рыбаков Питкяранты клубу рыбаков города Вроцлава, – шофер протянул пакет профессору.

– Покажите, покажите! – загалдели студенты.

– Можно посмотреть? – зачем-то спросил профессор водителя.

Он развернул бумагу достал из пакета искусно высушенную и покрытую лаком гигантскую щучью голову. В ее раскрытую пасть свободно входила человеческая голова.

Польские студенты в автобусе дружно ахнули. Даже я первый раз в жизни увидел такую огромную щучью голову.

– В нашем Дунае еще и не такие шуки водятся, – невозмутимо заявили болгарские студентки.

– Известно, что Болгария родина слонов и крокодилов, – съязвили в ответ поляки.

– Спасибо! – профессор горячо поблагодарил водителя, – Вы сами ее поймали? – с завистью спросил он. – И на какую снасть?

Водитель достал из кармана гигантскую блесну с огромным тройником и показал ее обалдевшим студентам. Даже болгарки удержались от замечания, что в Болгарии еще и не такие блесны есть.

– Этой блесне почти сто лет, она досталась мне от моего деда – охотника за щучьими головами, – с гордостью произнес водитель, – в рыбалке за глубоководными донными щуками самое важное размер блесны на мелкие они даже не реагируют.

– Неужели за это время ни разу не было зацепа или гигантские щуки ее просто не оторвали? – удивился ассистент профессора.

– Тройник крепится к блесне специальной серьгой, которая при зацепе разгибается и освобождает блесну.

– Это же очень ценный сувенир, – профессор прижал к груди щучью голову, – а Вам не жалко его отдавать?

Водитель небрежно махнул рукой:

– У меня дома еще одна голова есть, больше этой, от моего деда наследство.

Студенты вытащили фотоаппараты и принялись фотографировать водителя, блесну и щучью голову.

На вокзале я краем уха слышал, как польский ассистент уговаривал водителя продать ему щучью голову за любые деньги.

– Наши мужики Родиной не торгуют, – с гордостью ответил шофер.